

Островский Александр Николаевич

Воспитанница

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Николаевич О.**
Воспитанница / Островский Александр Николаевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 80 с.

ISBN 978-5-521-26734-7

ISBN 978-5-521-26734-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

УЛАНБЕКОВА, старуха лѣтъ подѣ 60, высокаго роста, худая, съ большимъ носомъ, черными, густыми бровями, типъ лица восточный, небольшіе усы. Набѣлена, нарумянена, одѣта богато, въ черномъ. Помѣщица 2000 душъ.

ЛЕОНИДЪ, ея сынъ, 18 лѣтъ, очень красивъ, немного похожъ на мать. Одѣтъ по лѣтнему. Учится въ Петербургѣ.

ВАСИЛИСА ПЕРЕГРИНОВНА, приживалка, дѣвица 40 лѣтъ. Волосъ мало, проборъ косой, коса зачесана высоко, съ большой гребенкой. Постоянно коварно улыбается и страдаетъ зубами; желтая шаль около самаго горла заколота булавкой.

ПОТАПЫЧЪ, старый дворецкій. Галстухъ и жилетъ бѣлые, фракъ черный. Съ виду важенъ.

НАДЯ, 17 лѣтъ, любимая воспитанница Уланбековой, одѣта, какъ барышня.

ГАВРИЛОВНА, ключница, пожилая женщина, полная, съ открытымъ лицомъ.

ГРИША, мальчикъ лѣтъ 19, любимецъ барыни, одѣтъ франтомъ, часы съ золотой цѣпочкой. Красивъ, волосы кудрявые, выраженіе лица глупое.

НЕГЛИГЕНТОВЪ, приказный, очень грязный молодой человекъ.

ЛИЗА, горничная, недурна собой, но очень полна и курноса; въ бѣломъ платьѣ, лифъ котораго коротокъ и сидитъ неловко, на шеѣ маленькій красный платочекъ, волосы очень напояжены.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДѢВУШКА. ЛАКЕЙ И ГОРНИЧНАЯ безъ рѣчей.

Дѣйствіе происходитъ весной, въ подгородной усадьбѣ Уланбековой.

I.

Часть густаго сада, съ правой стороны скамейка, на заднемъ планѣ рѣшетка, отдѣляющая садъ отъ поля.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ НАДЯ и ЛИЗА.

НАДЯ.

Нѣтъ, Лиза, ты этого не говори: какое же можетъ быть сравненіе жить въ деревнѣ али въ городѣ!

ЛИЗА.

Какая же такая особенная жизнь въ городѣ?

НАДЯ.

Тамъ ужъ все другое; и люди не тѣ, да и порядокъ совсѣмъ другой. (*Садятся на скамью.*) Когда мы были съ барыней въ Петербургѣ, такъ это только поглядѣть надобно было, какіе къ намъ господа ѣздили, и какъ у насъ было убрано въ комнатахъ; опять же барыня вездѣ брала меня съ собой, даже и въ Петергофъ мы ѣздили на пароходѣ и въ Царское Село.

ЛИЗА.

Тото, я думаю, хорошо!

НАДЯ.

Ужъ такъ прелестно, что и словами нельзя сказать! Потому что, какъ хочешь тебѣ рассказывай, если ты сама не видала, такъ ничего не поймешь. Еще тогда у насъ гостила барышня, племянница барыни, такъ я съ ней по цѣлымъ вечерамъ разговаривала, иногда и ночи просиживала.

ЛИЗА.

Объ чемъ же вы съ ней разговаривали?

НАДЯ.

Ну, разумѣется, все больше про благородное обращеніе, объ кавалерахъ тамъ, да объ гвардейцахъ. Такъ какъ они часто бываютъ на балахъ, такъ и рассказывали, какіе у нихъ тамъ разговоры бываютъ, и кто имъ больше нравится. Только ужъ какія эти барышни!

ЛИЗА.

А что?

НАДЯ.

Бойки очень. И откуда онѣ это все знаютъ? А потомъ мы цѣлую зиму жили въ Москвѣ. Видя все это, моя милая, и сама стараешься себя облагородить. Ужъ и удержишь себя не такъ, и разговоръ стараешься имѣть особенный.

ЛИЗА.

Да къ чему же намъ себя облагороживать-то! кому это нужно!

НАДЯ.

Какъ къ чему? А вотъ барыня общали меня вы-

дать замужъ, такъ я стараюсь такъ себя образовать, чтобъ меня никому не стыдно было взять. Ты знаешь, какія жены у нашихъ чиновниковъ, ну на что это похоже? я въ десять разъ лучше ихъ понимаю жизнь и обращеніе. У меня теперь только одна и надежда выйти за хорошаго человѣка, чтобы мнѣ быть полной хозяйкой. Посмотри тогда, какой я порядокъ въ домѣ заведу; у меня не хуже будетъ, чѣмъ у дворянки у какойнибудь.

ЛИЗА.

Дай тебѣ Богъ! А замѣчаешь, какъ за тобой баринъ молодой ухаживаетъ?

НАДЯ.

Напрасно онъ ухаживаетъ. Чтожъ, конечно, онъ мальчикъ хорошенькій, даже, можно сказать, красавецъ; только отъ меня ему ничего не дожидаться; потому что я совсѣмъ не такихъ правилъ и, напротивъ того, теперь всячески стараюсь, чтобы про меня ни какого дурнаго разговору не было. У меня только одно и на умѣ, что выйти замужъ.

ЛИЗА.

И замужемъ иногда тоже житье-то не радость! другой такой чадо навяжется, что не накажи Господи!

НАДЯ.

Чтожъ мнѣ за радость идти за такого! Я, слава Богу, могу въ людяхъ разобрать, кто хорошъ, кто дурень. Это сей-часъ по обращенію и по разговорно-видно. А вотъ барыня такъ напрасно это дѣлаютъ! что насъ въ такой строгости держатъ, и безпрестанный присмотръ за нами имѣютъ. Мнѣ даже обид-

но! Я такая дѣвушка, что безъ всякаго присмотра могу хорошо себя понимать.

ЛИЗА.

Кажется, баринъ идетъ.

НАДЯ.

Такъ пойдемъ.

(Встають и уходятъ. Входить Леонидъ съ ружьемъ.)

ЯВЛЕНИЕ II.

ЛЕОНИДЪ и потомъ ПОТАПЫЧЪ.

ЛЕОНИДЪ.

Погодите! Куда вы, куда вы! Что это онѣ все отъ меня бѣгаютъ? никакъ ихъ не поймашь. (*Стоитъ задумавшись. Молчаніе.*)

ДѢВУШКА (поетъ за рѣшеткой).

Ни какъ не возможно безъ печали жить!

Любить друга можно пельзя не тужить.

ЛЕОНИДЪ (подбѣгая къ рѣшеткѣ.)

Какая ты хорошенькая!

ДѢВУШКА.

Хороша, да не ваша.

ЛЕОНИДЪ.

Поди сюда!

ДѢВУШКА.

Куда?

ЛЕОНИДЪ.

Ко мнѣ въ садъ.

ДѢВУШКА.

А пошто я къ тебѣ пойду?

ЛЕОНИДЪ.

Я поѣду въ городъ, тебѣ сережки куплю.

ДѢВУШКА.

Молоденекъ еще!

(Громко смѣется и уходитъ. Леонидъ стоитъ повѣся голову и задумавшись. Входитъ Потапычъ въ охотничьемъ платьѣ съ ружьемъ.)

ПОТАПЫЧЪ.

За вами, сударь, не поспѣешь; у васъ ножки-то молоденькія.

ЛЕОНИДЪ (все еще задумавшись.)

Вѣдь все это, Потапычъ, мое будетъ.

ПОТАПЫЧЪ.

Все, сударь, ваше и мы всѣ ваши будемъ... Какъ, значить, при баринѣ, при покойникѣ, такъ все равно и вамъ должны.... Потому одна кровь. . Ужъ это прямое дѣло. Конечно, продли Богъ вѣку вашъ и маменькѣ...

ЛЕОНИДЪ.

Я ужъ тогда, Потапычъ, служить не стану, прямо въ деревню пріѣду, здѣсь и буду жить.

ПОТАПЫЧЪ.

Нельзя, сударь, вамъ не служить.

ЛЕОНИДЪ.

Ну да, какъ же! Нужно мнѣ очень. Еще писать заставятъ! (*Садится на скамейку*).

ПОТАПЫЧЪ.

Нѣтъ, сударь, зачѣмъ же вамъ самимъ дѣло дѣлать! Ужъ это не порядокъ! Вамъ такую службу найдутъ — самую барственную, великатную; работать будутъ приказные, а вы будете надъ ними надо

всѣми начальникомъ. А чины ужъ сами собой пойдутъ.

ЛЕОНИДЪ.

Развѣ вицъ-губернаторомъ сдѣлають, либо въ предводители выберутъ!

ПОТАПЫЧЪ.

Чтожъ мудренаго!

ЛЕОНИДЪ.

А что, какъ я буду вицъ-губернаторомъ, ты меня будешь бояться?

ПОТАПЫЧЪ.

Чего же мнѣ бояться? Это другіе точно должны раболѣпствоваться, а намъ все равно, вы нашъ баринъ; для насъ даже еще чести больше.

ЛЕОНИДЪ (не слушая).

А что, Потапычъ, много у насъ хорошенькихъ дѣвушекъ?

ПОТАПЫЧЪ.

Вотъ видите ли, сударь, если взять въ разсужденіе, такъ оно точно, какъ дѣвушекъ не быть! Есть и въ вотчинѣ, и въ дворнѣ: только при томъ же надобно сказать, что у насъ на счетъ этого строгости большія. Наша барыня, по ихъ строгой жизни, и по своему богомольству, очень за этимъ наблюдаютъ. Теперича возьмите то: воспитанницъ и горничныхъ, которыхъ любятъ, сами замужъ отдаютъ. Коли гдѣ имъ человѣкъ понравится, за того и отдаютъ, и приданое даютъ, не большое — этого нельзя сказать. У насъ всегда воспитанницы двѣ или три не переводятся. Возьмутъ у когонибудь дѣвочку, воспитають ее; а какъ минетъ лѣтъ 17 или 18, такъ,

безъ всякаго разговора, и отдають замужъ, за приказнаго или за мѣщанина въ городъ, какъ имъ вздумается, а иногда и за благороднаго. Да, сударь, да! Только какое житіе этимъ воспитанницамъ, сударь! Бѣда!

ЛЕОНИДЪ.

А что?

ПОТАПЫЧЪ.

Ужъ очень строго. Скажутъ: я тебѣ нашла жениха, и вотъ, скажутъ, тогда-то свадьба, ну и конецъ, тутъ ужъ разговаривать ни одна не смѣй! За кого прикажутъ, за того и ступай. Потому что, сударь, я разсуждаю такъ, кому же пріятно, давши воспитаніе, да видѣть непокорность. А бываетъ, сударь, и такъ, что и женихъ невѣстѣ не нравится, и невѣста жениху, такъ ужъ тутъ очень гнѣваются. Такъ даже изъ себя выходятъ. Пожелали онѣ одну воспитанницу отдать за лавочника въ городъ, а онъ, человѣкъ неполированный, вздумалъ бымо сопротивляться. Мнѣ, говоритъ, невѣста не нравится, да я и жениться-то нехочу еще. Такъ въ тѣ поры и городничему жаловались и отцу протопопу, ну и уломали дурака.

ЛЕОНИДЪ.

Вотъ какъ.

ПОТАПЫЧЪ.

Да-съ. Онѣ даже и у знакомыхъ у кого, если увидятъ дѣвушку, такъ сейчасъ и ищутъ ей жениха. Наша барыня такъ разсуждаютъ, что онѣ глупы; если те-перича надъ ними попеченія не имѣтъ, такъ онѣ, зря, и проживутъ, безъ всякаго порядка. Точно такъ, су-

дарь. Нѣкоторые даже, по своей глупости, прячуть дѣвокъ—то отъ барыни, чтобъ онѣ какъ нибудь на глаза не попались; потому тутъ имъ ужъ конецъ.

ЛЕОНИДЪ.

Такъ она и чужихъ точно также?

ПОТАПЫЧЪ.

И чужихъ. На всѣхъ свою заботливость простирають. Такое доброе сердце имѣють, что обо всѣхъ безпокоются. И ужъ очень сердится, когда безъ ихъ спросу дѣлають. А ужъ какъ о своихъ воспитанницахъ заботятся, такъ это на рѣдкость. Одѣвають ихъ, какъ бы истинно своихъ родныхъ дочерей, и иногда съ собой кушать сажаютъ, и работать ничего не заставляютъ. Пускай, говорятъ, смотрятъ всѣ, какъ у меня живутъ воспитанницы; хочу, говорятъ, чтобъ всѣ имъ завидовали.

ЛЕОНИДЪ.

Чтожъ, это хорошо, Потапычъ.

ПОТАПЫЧЪ.

И какое трогательное поученіе дѣлають, когда замужъ отдають! Вы, говорить, жили у меня въ богатствѣ и въ роскоши, и ничего недѣлали; теперь ты выходишь за бѣднаго, и живи всю жизнь въ бѣдности, и работай, и свой долгъ исполняй. И позабудь, говорятъ, какъ ты у меня жила, потому что не для тебя я это дѣлала, я себя только тѣшила, а ты не должна никогда объ такой жизни и думать, и всегда ты помни свое ничтожество, и изъ какого ты званія. И такъ чувствительно, даже у самихъ слезки.

ЛЕОНИДЪ.

Чтожъ, это хорошо.